

Наталья Васильевна Щерба

Двуликая ночь

Волшебная серия –

предоставлено правообладателем <http://litres.ru>

Наталья Щерба

Двуликая ночь

Небо спряталось за тёмными тучами: быть грозе.

Белоснежный пушистый кот, приподняв печальную мордочку, жалобно мяукнул, призывая хозяйку.

Но Ляна даже не обернулась. Замерев, стояла на самом краю, раскинув крестом руки.

Длинные чёрные волосы спадают вниз тяжёлой копной, лёгкую ткань платья треплет усилившийся ветер. Девушка абсолютно недвижима: несмотря на пропасть, разверзшуюся перед ней, она прекрасно сохраняет равновесие.

Вот и первая молния прорезает ветвистую дорожку к земле, призывая гром. Кот мяукает пронзительно, чиркает когтями по черепице, чуть не сорвавшись с верхней балки. Семенит трусцой к хозяйке, нежно трётся об ногу.

– погоди, Бельчонок, – шепчет одними губами Ляна. – Рано ещё.

Маленький белый комочек преданно жмётся к её ногам, мелко дрожа от холода. Ляна, не обращая на него внимания, бесстрашно смотрит в лицо грозному небу и ждёт.

Грянул гром, забарабанили частые крупные капли. Фигурка на краю крыши не движется...

И тогда проступает в чернильном небе тонкая белая дуга. Сверкающая, льдисто-снежная полоса начинается возле самых ног девушки и уходит далеко-далеко, туда, где живут люди, поклоняющиеся звёздам. Такие, как она. Ляна не знает этого наверняка, но чувствует... Чувствует приближение далёкой земли. Она знает, стоит лишь поверить, осознать, принять сердцем, и звёздный мост станет настоящим. Осязаемым настолько, чтобы пройти по нему...

Но всегда, смывая краткое видение, разражается страшный ливень.

Возвращались под утро, по хребтам одинаковых крыш, сереющих в предрассветной мгле. Пожарная лестница, прыжок на карниз, на подоконник, и на пол, на пушистый коврик.

– Бельчонок, и чего ты со мной ходишь? – ласково шептала Ляна, почёсывая мокрого кота за ушком. – Мне это надо, понимаешь? Чтобы след мой не нашли. Кто – не знаю, но чувствую – так надо...

Бельчонок укоризненно смотрел на неё удивительно яркими, синими, столь необычными для кота глазами, и довольно мурлыкал.

Ляна брала его на руки, тихо кралась с ним по лестнице на первый этаж – отнести малыша в гостиную, обогреться. Продрогший звёрёк сворачивался клубочком на коврике перед электрокамином, и, засыпая, тихо и долго мурчал. Ляна часто подолгу смотрела на дремлющего зверька и неизвестная, острая как игла, боль, отпускала растревожившееся звёздной ночью сердце. Так они обычно и засыпали.

– Роксоланушка, Тинушка, вставайте! – донеслось из кухни. По дому лениво пополз лёгкий запах свежесваренного кофе и, пытаясь соперничать с ним по силе обоняния, густой дух яичницы на шкварках.

Мама, как всегда, проснулась раньше всех... Ой!

Ляна вскочила и, протирая заспанные глаза, оглянулась, застонала.

Она опять заснула в гостиной. Если мама увидит, поймёт, что дочка вновь «ходила во сне», и обязательно поведёт к врачу – соседу-психологу, – начнутся долгие разговоры-консультации, снотворное и злые, недоверчивые взгляды сестры.

Ляна осторожно выглянула из гостиной, прошла по коридору, неслышно вбежала по лестнице на второй этаж, проскользнула в комнату. Она не знала, что за ней уже давно следят настороженные глаза.

– Ляна опять всю ночь по крышам ходила, – угрюмо сказала Тина, ковыряясь в яичнице вилкой, и, не скрывая злобного торжества, показала сестре язык.

Мама охнула.

Бельчонок, резко подняв мордочку от своей миски, зашипел.

– Слушай, убери ты кота этого, – Тина недобро покосилась на Бельчонка, вновь вернувшегося к молоку. – Опять всю ночь по лужам гулял, грязный такой...

Кот ответил недружелюбным взглядом, зло и коротко мяукнул.

– Что же делать-то? – мама всплеснула руками, позабыв про чашку. А та и упала, покотившись по полу: Бельчонок привычно отскочил.

Ляна промолчала, чувствуя, что краснеет. Они с Тиной были сводными сестрами, но, мягко говоря, недолюбливали друг друга.

«Мама – она очень добрая, оттого и невезучая».

Так думала Ляна. Отец Тины пропал ещё на заре маминой юности, оставив дочь на прощание. А Лянин папа был вторым маминым мужем. Он ушёл, когда дочке было десять, а Тине – тринадцать. И вот уже шесть долгих лет мама и девочки жили сами, втроём.

– Я в школу зайду, ещё аттестат не забрала, – буркнула Ляна и спешно вылезла из-за стола, не забыв показать Тине язык.

Та в ответ показала кулак.

– Что же делать-то с Роксоланкой? – расстроено вздохнула мама, когда за Ляной закрылась парадная дверь. – Папа её тоже лунатиком был.

– Она не лунат! – неожиданно обозлилась Тина. – Она под звёздами ходит. А полнолуния, наоборот, боится.

– Да какая уж тут разница...

– Большая, огромная разница!

Мама рассеяно покивала, думая о чём-то, и вдруг вскинулась:

– Слушай, дочка, а может, вам вместе постелить? Ты бы приглянула, если что, за Лянушкой? Кто знает, где она ночью ходит, господи...

Тина застыла.

– Ты права, мама, – вдруг мягко улыбнулась она. – Это лучший выход.

Ляна, объявившаяся лишь поздно вечером, остолбенела, увидев в своей спальне две кровати, разделявшиеся только пушистым ковриком. Тина уже устроилась на одной из них и смотрела телевизор.

– Не волнуйся, это ненадолго, – ухмыльнулась сестра, уставившись в экран.

Разговор с мамой ничего не дал: будете спать вместе, или – психолог-сосед.

И Ляна смирилась.

Луна ворвалась через окно, распластавшись по полу чередой квадратов. Сегодня желтоглазая была особенно яркой. Окрашена в пронзительно оранжевый свет, она словно стремилась походить на солнце и оттого казалась нелепой и уродливой.

Обычно в такие светлые ночи Ляна сладко спала, но сейчас, наблюдая за обманщицей-луной сквозь тусклое оконное стекло, почему-то не могла сомкнуть тревожных глаз.

И тогда неслышно поднялась на кровати сестра и быстро выскользнула из-под одеяла. Руки Тина вытянула перед собой и неуверенно двинулась вперёд, как будто ослепла, и пошла

к двери, и задела шкаф, и натолкнулась задом на трельяж. Ляна оцепенела от ужаса, наблюдая в изумлении, как Тина будто копирует её ночное хождение.

Вначале и Ляна поднимается вот так же, глядя, словно сквозь пелену – не понимая, сон это или явь, – и долго бесцельно блуждает по комнате.

А потом врываются через форточку сладкоголосым шлейфом звуки ночи, и манит свобода крошечной тьмы за окном. И тогда Ляна взбирается на подоконник одним движением, чтобы ринуться в ночное небо, раскинувшееся над головой таинственным покрывалом. Звёзды яркие, красивые и такие близкие, словно стеклянные игрушки на рождественской ёлке: протяни руку, щёлкни по боку, и они тут же зазвенят хрусталём...

Движения у Тины внезапно убыстрились, и вскоре она уже беспорядочно металась по комнате мелкими нечёткими шажками.

Неожиданно и резко всхлипнула оконная рама: кто-то пытался открыть её с той стороны. Ляна глазам не поверила, распознав в беснующемся на карнизе существе обнажённый силуэт вихрастой девицы с хлопающими обрывками чёрных крыльев за спиной. Стекло завизжало под острыми ногтями.

– Скорее, давай скорее! – прошипела девица, перемежая слова чудным диким фырканием, – опоздаем, Тина... Опоздаем!!!

Ляна остервенело ущипнула себя под одеялом – больно! А Тинка вдруг перестала плутать по комнате: разом скинула всю одежду, устремилась к окну. Сложила руки рыбкой и сиганула в темноту, сверкнув на прощание пятками. Вихрастая хрипло и раскатисто рассмеялась, сделала сальто, мелькнув упругой белой попой в проёме окна, и тоже пропала в ночи.

Оцепенение сошло и Ляна, словно кошка, мягко запрыгнула на подоконник. Бельчонок, будто почуял, верный дружок – тут же оказался рядом. Проскользнул на карниз и первым выскочил на пожарную лестницу.

...Перед ней – знакомая двускатная крыша. Тонкой острой полосой стелется верхняя балка. Ляна ступает на опасный режущий край и, балансируя руками, быстро движется вперёд. Дальше – пропасть, чужая зона. Около десяти метров разделяют дома разных улиц. Интуитивно Ляна чувствовала: туда – нельзя.

Потому что смерть.

Но сегодня Бельчонок вёл себя очень странно. Выгнувшись неестественной дугой, он оттолкнулся задними лапами от черепичного края и прыгнул, преодолев невероятное для кота расстояние. Осторожно и коротко мяукнул с той стороны, уютившись на маленьком выступе перед чердачным окном. Но Ляне всё равно было страшно: даже черепица крыши казалась ненормально яркой там, – кроваво-красной в пронизывающем лунном свете.

Бельчонок опять мяукнул: также тихо и требовательно.

И Ляна решилась. Отошла на несколько шагов назад, замерла на секунду...

Резко рванулась вперёд и прыгнула. Промелькнула серым туманом дорога вниз, и сразу – кровавый черепичный бортик. Ляна совершила удачное приземление, чудом ухватившись за косяк форточки маленького чердачного окошка. Бельчонок одобритительно мяукнул и устремился в сторону, туда, где выступ загибал вправо. Хозяйка последовала за ним.

Они шли и шли, и Ляна устала считать, сколько крыш миновали, крадучись. Как внезапно шерсть Бельчонка вздыбилась: кот застыл, скрючившись за верхом водосточной трубы. Ляна тоже притаилась: замерла, распластавшись по черепице.

И тогда, совсем рядом, где-то внизу, она услышала тихую музыку, весёлый смех, обрывки разговоров.

Подкравшись ближе, Ляна различила голоса: две девушки разговаривали внизу, совсем рядом, наверняка на балконе.

– Отличный дом, не правда ли? – весело произнесла одна из них. – Как раз для наших сумасшедших сборищ... Хозяева почти не бывают, только садовник следит за этими великолепными розовыми кустами... Чувствуешь, как они благоухают? Чудесно... Но бедняга садовник боится луны, и, представляешь, Тина, прячется в полнолуние под толстым ватным одеялом, как маленький!

Девушка фыркнула, звонко рассмеялась.

– Да-да, – рассеяно ответила вторая, – смешно.

Ляна напряглась: она узнала низкий бархатный голос сестры. А второй – очень уж похож на пронзительный голос вихрастой девицы, что суежилась возле окна, призывая Тину не опоздать.

– Переживаешь из-за сестры? – голос другой девушки посерьёзnel.

– Нет, не переживаю, – тут же вскинулась Тина. – Я волнуюсь, что будет со мной, когда верхние узнают, что моя сестра – астра.

– Так откройся ей, что ты – луната. Она первая нападёт на тебя, вот увидишь.

– Не нападёт, – тут же ответила Тина. – Сестра ещё не знает, что она – гуляющая под звёздами. Не знает о войне между лунатами и астрами. Не знает о том, почему ходит по крышам. Не знает о Звёздном Мосте. И даже не подозревает, насколько губительна для неё Луна.

– Ах да! – девушка звонко цокнула языком. – Ты ж мне говорила... Но когда верхние проведуют, что в нашем городе есть астра – они просто убьют её.

– Может, не узнают? – задумчиво произнесла Тина.

– Узнают, – непреклонно заявила девушка. – За астрами тянется длинный белый шлейф, как от падающей звезды... след, который так хорошо виден при луне. Ведь наша небесная повелительница не только затмевает своим сиянием Млечный Путь, который так ищут астры, но и помогает обнаружить этих уродов. Случись твоей сестре выйти в полнолуние – её найдут.

Сердце Ляны тревожно дёрнулось. Девушка не выдержала и взглянула на страшный оранжевый диск, и луна будто оскалилась в ответ.

– Знаешь, – продолжила подружка Тины. – Ты должна сама привести сестру к верхним. И тогда они тебя не тронут. Но сделать это надо как можно скорее: не забывай, за астрой могут прилететь её сородичи и обнаружить, что в этом городе слишком много лунатов.

– И почему мы воюем? – вздохнула Тина.

– Почему? – удивилась её подруга. – Во-первых, нас очень мало и мы должны бороться за свою свободу. Мы любим смотреть на нашу ночную красавицу, и ненавидим жуткие звёзды. Глупые астры боятся великолепной луны и обожают свои холодные мерцающие огоньки. Нет, мы слишком, слишком разные, потому и воюем.

– Но можно было бы сосуществовать? – заметила Тина. – Пусть себе гуляют под звёздами, а мы – под луной.

– Ты так говоришь, потому что у тебя сестра – астра, – тут же возразила девушка. – Не забывай, нас разъединяет прошлое: тысячи кровавых войн в борьбе за существование. Посмотри – сейчас главными на планете считают себя простые люди, навеки опустившиеся на землю, заменившие крылья душной цивилизацией. Они не мешают нам, глупцы. Раса лунатов – истинна, но нас очень мало, и только астры встают на нашем пути, – здесь, наверху мира. Они стремятся найти свой Звёздный Мост, чтобы открыть людям дорогу к звёздам. Но кто знает, что ждёт нас всех там, в далёких мирах? Поэтому, волею богов, и поставлена охранять Землю от чуждых звёзд наша красавица – Луна, многоликая стражница... И мы обязаны уничтожать всех астров, гуляющих под звёздами, чтобы спасти нашу планету от страшной неизвестности...

– Ты красиво философствуешь, Алеся, – резко сказала Тина. – Но это не тебе надо убить собственную сестру.

– Ты же её недолюбливаешь, – возразила девушка Алеся. – Кроме того, тебе надо лишь признаться. Всё. Дальше, что будет с ней – не твоя забота... Кстати, ты уже слышала? В

столице произошёл небывалый конфликт – астры напали на наших и ранили четверых! Добром это не кончится... – девушка недовольно фыркнула. – Наших там слишком мало! Всё указывает на то, что вскоре будет набираться новая армия – все будут воевать... Вот о чём надо думать! Ты – луната и должна бороться за свою веру – веру в луну. Забудь об астрах и об их жалких звёздах.

– Ненавижу котов, – неожиданно произнесла Тина. – Особенно белых.

– А коты ненавидят нас, лунатов! – рассмеялась Алеся.

Ляна будто очнулась. Бельчонок уже звал назад – в обратную дорогу по тонким балкам и скользящей черепице.

Тина ещё спала, смешно подперев щеку рукой.

«Вообще-то, она славная, – подумала Ляна, осторожно складывая платье в чемодан. – Но характеры у нас разные, отцовские. Потому и не можем подружиться».

Запах кофе насмешливо схватил за нос и утянул в кухню, где уже вовсю хлопотала мама.

Добрая, сердечная, дорогая мама: просто человек.

Невезучая.

Дёрнулась медная турка в руках: мама удивлённо взирала на чемодан.

– Что случилось, Роксоланушка?!

– Я решила уехать, – мягко, но решительно произнесла Ляна. – Поступлю в институт. Буду дальше учиться, мам. И Бельчонка с собой возьму, ладно?

– Но куда, дочка?! – ахнула мама, всплеснув руками. Турка полетела вниз: кофе тяжело выплеснулся острой бурой стрелой, указывая на дверь. Бельчонок, недовольно шипя, отскочил в сторону.

– Куда же, Роксоланушка? – растерянно повторила мама.

Ляна улыбнулась.

– В столицу.

Скрипнула половица – Тина стояла в дверях.

– Бежишь?

На её губах застыла неприятная улыбка.

Ляна смерила сестру удивлённым взглядом и вдруг поняла – знает. Знает, что она следила за ней вчера...

– Мама, ты не будешь против, если мы поговорим наедине?

Ляну всегда удивляло, как же легко люди слушаются Тину. Казалось бы, в её спокойном, бархатном голосе лишь скользит некая властная интонация и, пожалуйста, – мама даже не возразила, тут же скрылась за дверью. А может, полагала, что сестре лучше удастся уговорить младшую дочку поменять своё взбалмошное решение.

Ляна растерянно оглянулась. Хотелось выпрыгнуть в окно вместе с этим дурацким ненужным чемоданом – свидетелем её трусливого побега.

– Я тебя не выдавала, – вдруг бросила Тина. – А могла бы сказать, что ты лазишь по крышам с самого рождения... Что ты – из чуждого нам племени, одна из тех, кого лунаты презирают. Ты – астра. И вам не место на земле.

– И что ж не выдала меня? – огрызнулась Ляна. – Почему?

– А пожалела, – Тина резко вскинула голову и посмотрела сестре прямо в глаза. – Не повезло тебе родиться в городе, где правят лунаты. Мне – повезло, тебе – нет. Но уйти просто так ты не сможешь. Они уже знают о тебе.

– Кто они? – встрепелась Ляна. – Верхние?

Тина криво улыбнулась.

– Да.

– Ты рассказала?

– Нет. – Тина отвела глаза. – Алеся... Пошла на это ради меня. Знала, что меня тяготит

такое... родство.

Ляна машинально сжала ручку чемодана. Ей вдруг почудилось, что незримые и страшные тени окружают её, плотно сжимая кольцо, запутывают в тугой, невидимый кокон, забирают силу, вытягивают душу...

Нет! Сейчас на улице светло, люди собираются на работу; всего-то и надо – добраться до вокзала и сесть на поезд. Ляна чувствовала – там ей помогут. Да и Бельчонок поможет отыскать таких, как она. Своих...

– Ты не уедешь. – Устало, как будто бы в ответ на её мысли, повторила Тина. – Они уже взяли тебя под наблюдение. Никто не выпустит живую астру, так долго трепыхавшуюся под самым носом.

– Вот только не надо меня пугать, – процедила Ляна. – Справлюсь как-нибудь с твоими друзьями.

Не договорив, она бросилась к двери, но Тина тут же загородила дорогу. Долго скользила по лицу сестры оценивающим взглядом. Наконец, прищурилась:

– Есть один выход.

Предупреждающе зашипел Бельчонок, но опоздал: Тина размахнулась и изо всех сил ударила сестру по шее, по испуганно пульсирующей сонной артерии – тело Ляны медленно осело на пол, – девушка упала, распластавшись по кафелю крестом. Кот вздыбил шерсть, зло мяукнул и, сиганув на подоконник, скрылся в саду.

* * *

Серые крылья облаков разметались по чёрному небу, и лишь тонкий серпик Луны, пытаясь разорвать клубящуюся преграду, слабо освещал крышу городского Оперного Театра. Вот скользнул мягкий луч по статуе богини, украшавшей фронтон здания, да так и исчез, не посмев нарушить мрачную красоту ночи, властвующей над величественной крышей театра.

Ляна открыла глаза. Оглянулась.

Она стояла на какой-то незнакомой крыше – состоявшей из причудливых строений, изгибов, башенок. И лишь по статуе богини, гордо несшей над головой пальмовую ветвь, девушка поняла, где находится. Голова раскалывалась от тупой боли, ещё саднила после удара сестры шею...

Оглянувшись, девушка поняла, что не одна в этом странном месте: всю крышу, состоящую из множества башенок, мансард, всевозможных скатов и переходов, облепили безликие фигуры крылатых людей. Некоторые из них бесшумно поднимались в воздух, чтобы перелететь на другое место, поближе, особо любопытные, узрев, что Ляна очнулась, зависли высоко над её головой. Тем не менее, никто близко не подходил.

Поэтому, когда неожиданно перед ней возникло лицо сестры, Ляна импульсивно дёрнулась в сторону.

– Не бойся, – прошептала ей Тина. – Всё пройдёт быстро. Ты даже понять не успеешь.

– Вы... убьёте меня? – Ляна задышала часто-часто.

– Нет. – Тина качнула головой. – Я просила за тебя. Ты станешь лунатой.

– Это... возможно?

– Да. Тебе всего лишь придётся выпить кубок с отваром. Этот напиток изменит химический состав твоей крови – ты станешь служить Луне и забудешь про звёзды.

– А если... – фраза билась на языке и Ляна мучительно подыскивала правильные слова. – А если я не хочу? Я люблю звёзды... Кроме того, как будут относиться ко мне твои... когда будут знать, что я... была астрой?

Тина подалась к ней всем телом. Ляна только сейчас заметила что сестра, как и она сама, одета в длинную белую рубашку.

– Я отдала часть своей крови для этого отвара, – глухо произнесла Тина. – Поверь, немногие из лунатов пошли бы на такое. И не скрою, – зло добавила она, – я долго

раздумывала над этим. Но решила помочь тебе. И только ради мамы... Она не переживёт, если и ты уйдёшь, а видеть каждый день её печальное лицо – невыносимо для меня. Ты станешь лунатой и будешь вместе с нами гулять под Луной. И будешь, – Тина усмехнулась, – воевать вместе с нами. Да, тебя будут презирать, но ты будешь жить. Будешь жива.

– Против астр? Гуляющих под звёздами? Таких как я?

– Да.

Тишину ночи разорвала барабанная дробь: к Ляне приблизилась девушка, несшая в руках большую чашу, покрытую сложным переплетением золота и серебра. Жидкость источала пар, словно была очень горячей.

– Видишь, всё просто, – продолжила Тина. – Выпей.

Ляна приняла чашу и взглянула на Луну. Но желтоликая скрылась за облаками: сама решай, астра.

Всё случилось очень быстро: белый комочек взмыл в стремительном прыжке – удар – чаша выскользнула из её рук и покатилась по крыше. Ляна в страхе взглянула на сестру: по белому одеянию Тины медленно расплзались тёмно-бурые пятна.

– Чёртов кот! – яростно выкрикнула сестра. – Я придушу его!

На ходу скидывая испорченную рубашку, Тина прыгнула на парапет и, расправляя чёрные крылья, сиганула в темноту. Где-то снизу раздалось жалостливое мяуканье.

Ляна не выдержала: по примеру сестры быстро скинула одежду и устремила на бортик – никто ей не препятствовал.

Перед ней открылся чудесный вид: широкая площадь с круглой чашей фонтана в центре, в обрамлении десятков сверкающих фонарей. Посредине фонтана возвышался тонкий шпиль каменной башенки, из бойниц которой красивыми упругими струями выливалась вода. Ляна вспомнила, что никогда ещё не забредала сюда в своих ночных гуляниях. Оперный театр располагался в самом центре города, Ляна же любила гулять по окраине, и никогда не перепрыгивала черту – не переходила на крыши других улиц.

– Прыгай! – вдруг прозвенело где-то в вышине. Девушка не могла понять, чудится ли ей этот тихий, шелестящий голос, или же кто-то решился прийти к ней на помощь? Или это лунаты решили поиздеваться над ней?

– Прыгай далеко, иначе умрёшь!

Белый хвост промелькнул где-то слева: вслед за Бельчком устремилось сразу несколько чёрнокрылых фигур, – кажется, лунаты устроили на Ляниного кота настоящую охоту.

Станный, далёкий и нереальный голос всё шептал, шептал, и девушка решилась. На секунду замерла, вскинув крестом руки. И тут же, описав кистями круг, сделала резкий взмах и взмыла в небо.

Прыжок дался необычайно легко – словно она заскользила на воздушных качелях. Рядом носились чернокрылые тени, но Ляна знала, что они не смогут ей помешать: тонкий шпиль башенки, возвышавшийся над фонтаном, приближался. Девушка не выдержала – закрыла глаза. Ещё немного, и она приземлится – с такого расстояния вода вряд ли смягчит падение...

Но внезапно её тело замедлило своё движение – Лянины босые ступни ощутили под собою мягкую и шаткую, но прочную, словно плотная паутина, поверхность. Она осторожно открыла глаза и увидела, что находится на конце тонкого и длинного моста, сверкающей дугой уходящего в ночь. Над головой сияли радужные звёзды: зелёные, красные, синие, – яркие, очень крупные. Волшебное место. Нереальное. Осязаемое.

Ляна оглянулась и увидела позади сияющую громаду Оперного Театра. На его крыше одиноко возвышалась статуя богини с пальмовой ветвью в руках: чернокрылых фигур нигде не было видно...

Кто-то внизу осторожно мяукнул. Ляна опустила голову и увидела Бельчонка – кот ласково тёрся об её ноги. Внезапно зверёк отстранился, потянулся, выгнувшись дугой и засеменил по серебристой глади дороги. Лишь на самом верху он остановился и

вопросительно оглянулся.

Ляна улыбнулась ему и сделала шаг. Идти по тонкой глади волшебного моста, словно бы сотканного из тонких сияющих нитей, оказалось легко и привычно...

Ляна знала – мост появился перед ней, потому что она верила в него. Видела его, мечтала о нём, знала, что он существует. Но чувствовала – стоит оступиться, потерять веру – и он исчезнет. Растворится, растает, обернётся сном.

Как волшебная сказка на ночь, прочитанная до самого-самого последнего слова.